

© 2015 г.

Н.П. КАЛМЫКОВ

ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИИ И НЕ ТОЛЬКО

Американская история занимает не только американистов. Каждый, кому придется иметь дело с глобальными проблемами новой и новейшей истории или читать общие курсы, знает, насколько сложно излагать историю этой страны, объяснить себе и своим читателям или слушателям, каким образом в поразительно короткое по историческим меркам время эта страна, возникшая только в XVII в. как совокупность небольших колоний энтузиастов-протестантов, уже спустя две сотни лет превратилась в экономически самое мощное государство с передовой политической системой, быстро развивающейся наукой и разнообразной и богатой культурой. А еще через сотню лет США стали единственной в мире сверхдержавой, почувствовавшей в себе такую силу, что присвоили себе право наводить “порядок” на целой планете.

Как объяснить столь стремительное развитие? Выявить причины, вызвавшие к жизни этот феномен? В чем сущность американской цивилизации, и каково ее место во всемирной истории? Эти вопросы занимают и многих обществоведов, исследовательские интересы которых не связаны непосредственно с изучением истории США. Поэтому каждое новое исследование по истории США вызывает повышенный общественный интерес.

В полной мере это относится к новой книге “Центральные проблемы истории США”¹ руководителя Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН д.и.н., проф. В.В. Согрина – историка, широко известного своими исследованиями американской и российской истории, историософских и историографических проблем. Эта монография – своего рода подведение итогов его научной деятельности за последнее десятилетие в области исторической американистики. В ней собраны и выстроены в логической последовательности публикации, впервые появившиеся в журналах, сборниках и монографиях, посвященных разным, но перво-степенным проблемам истории этой страны. Сразу оговоримся – не всем, автор оставил в стороне внешнеполитическую историю и начинается книга не с колониального периода американской истории, а с Войны за независимость. Однако это не разрушает целостности замысла и его реализации. Книга насыщена реминисценциями, связывающими те или иные события американской истории с их отдаленными и непосредственными причинами и предпосылками. Кроме того, напомним, что несколько лет назад В.В. Согрин опубликовал книгу “Политическая история США. XVII-XX вв.”², в которой систематизирована вся американская история. На мой взгляд, этот очерк на сегодняшний день – наиболее убедительное прочтение истории американского государства. Рецензируемая книга привлекает к себе внимание и суждениями по злободневным вопросам развития исторической науки, ее взаимоотношением с обществом,

Калмыков Николай Петрович – кандидат исторических наук, шеф-редактор издательства “Большая российская энциклопедия” (гуманитарные науки).

¹ *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. М.: изд-во “Весь Мир”, 2013, 349 с.

² *Согрин В.В.* Политическая история США. М.: изд-во “Весь Мир”, 2001.

которые в концентрированном виде нашли свое выражение во введении и щедро рассыпаны по главам.

Книга открывается посвящением памяти трех известных американистов, профессоров исторического факультета МГУ – Игоря Петровича Дементьева, Николая Васильевича Сивачева и Евгения Федоровича Язькова – их фотопортреты украшают ее начальные страницы. Почему именно им посвящена книга, потребовало определенных пояснений. При этом В.В. Согрин не просто дает высокие оценки вкладу своих учителей в развитие исторической американистики, но и некоторым образом дистанцируется от них, полагая, что на содержании и выводах их работ не могли не сказаться стесненные обстоятельства, в которых им пришлось трудиться в советское время. Коснувшись этой весьма непростой проблемы, он указал и возможные пути ее решения. В самом деле, как относиться к трудам ученых, работавшим в отечественной науке на протяжении большей части XX в.? Помимо этической стороны, связанной с оценкой работы наших учителей, которые, увы, не могут отозваться на нее, нельзя не задуматься и над таким вопросом: вправе ли мы прибегать к взыскующей критике тех, кто работал в иных исторических условиях. Многие историки, трудившиеся в советскую эпоху, продолжают свои исследования и в наши дни. И надо ли требовать от них самокритичных стенаний, которых, кстати, мы почти и не слышим? Научная мысль опровергается только другой мыслью, а не угодливым служением так называемому общественному мнению, а тем более велениям власти.

Историк-профессионал знает, что историографические пути сами по себе достаточно извилисты и на них влияют не только триумфы или развенчания идеологием, давление политических обстоятельств, но и многие другие факторы: расширение, а иногда и сужение источниковой базы, обогащение методологического арсенала, дискуссии в смежных областях знания – философии, социологии, экономических науках и самое главное – трудно постижимое движение самих историографических идей. В.В. Согрин уверенно указывает на лучший способ решения подобных проблем – последовательное соблюдение принципа историзма. При оценке исторических явлений, также как и суждений о них, необходимо разобраться во всех обстоятельствах, сопровождавших возникновение и развитие этих явлений, как собственно исторического, так и историографического порядка. Именно так рассматривает творчество своих учителей В.В. Согрин. От прошлого мы вправе требовать только то, что оно в состоянии нам предложить, а не громоздить его на котурны умозрительных схем. Из этого, конечно, не следует, что теоретическое осмысление и концептуальный подход чужды исторической познанию. Все дело в том, что теоретизирования и выявления закономерностей не должны привноситься в историческую науку извне, а генерироваться самими историческими изысканиями. И работа В.В. Согрина дает тому немало примеров.

Более сложно воспринимается тезис историка об объективности в исторической науке (введение к книге так и называется: “Возможна ли историческая истина?”). Против самой постановки вопроса вряд ли кто-нибудь будет возражать. Но следовать этому требованию не просто. В.В. Согрин справедливо замечает, что стремление постигать объективную истину “присуще далеко не всем авторам”. И поскольку от историка ждут не простого изложения фактов (их еще надо осмысленно отобрать!), а объяснения прошлого, приходится искать надежный методологический навигатор, который подбирается индивидуально и корректируется в течение всей творческой жизни ученого. В поисках критериев объективности мы не можем опереться ни на старый гегельянский тезис о том, что все действительное разумное, ни на марксистскую формулу об исторической правоте “передового” общественного класса, ни на позитивистское формальное выявление причинно-следственных связей. Методологический монизм опасен, поскольку сужает и обедняет историческую картину. Бунт против монизма или монизмов и породил постмодернизм, который, однако, не указал дорогу к истине, а только поменял ориентиры. И нельзя не согласиться с не раз провозглашавшимся В.В. Согриным тезисом о принципе своего рода методологической дополняемости, позволяющим ученому по-разному рассматривать свой предмет.

И сквозь призму теории смены социально-экономических формаций, и путем использования цивилизационного или структурно-системного подходов, а при изучении поведения отдельных исторических персонажей не заказано прибегать и к психоанализу. Истина для ученого ограничена суммой тех знаний и представлений, которыми он располагает на сегодняшний день, и искать ее нужно в границах его науки. Требование объективности, как бы привлекательно оно не выглядело, может оказаться опасным, если в историографическом споре арбитром выступит внешняя по отношению к науке сила. Ценность исследования в состоянии определить только профессиональное сообщество. Как в математике, в физике, в биологии, так и в истории. Хотя и здесь все не просто. В.В. Согрин приводит убедительный пример, анализируя работы двух выдающихся американских историков – Д. Бурстина и Г. Зинна, – совершенно по-разному трактующих американскую историю. Основания для этих различий автор справедливо усматривает в их “мировоззренческих предпочтениях”. Главным аргументом в споре историков остается все-таки профессионализм. Впрочем, не стоит забывать и о таких не вполне научных категориях, как честность и порядочность.

О профессионализме приходится еще раз вспомнить, когда В.В. Согрин интересно размышляет о типах исторических субкультур, составляющих собственно историографическую культуру, выделяя три основные: научную академическую, государственно-политическую и народную. Думаю, что к названным можно добавить и субкультуру литературно-художественных образов. Творческий гений обладает такой силой воздействия на сознание людей, что с ним не может конкурировать самое талантливое научное исследование. Сколько бы книг не написали историки об Отечественной войне 1812 года, общество воспринимает это событие глазами Льва Толстого и его героев, а о Франции эпохи Реставрации нам убедительнее, чем горы исторических исследований расскажет “Человеческая комедия” Оноре де Бальзака. Кинематограф и телевидение лишь усилили воздействие художественных образов на восприятие истории огромной массой людей. Чапаев братьев Васильевых или Омар Мухтар в исполнении Энтони Куинна неопровержимы. Впрочем, этот тип субкультуры можно рассматривать как частный случай либо государственно-политической, либо народной субкультуры.

Но прав ли автор, когда он признает историографической культурой не только профессиональное знание, но и суждения, продиктованные политическим интересом, а также народное историческое мифотворчество? Историография – это, на мой взгляд, исключительное “поле” исторической науки. Допускать на него другие способы миропонимания, пусть даже относящиеся только к прошлому, губительно для исторической науки, и так теряющей свои позиции под натиском “рационального” (такую характеристику дает ему постмодернизм, тем более что критика и вызов которого, как верно отмечает автор, “рациональны”). Соотношение академической науки, пользующейся собственным арсеналом исследовательских методов и средств, и “истории”, созданной фантазией писателя или народным мифотворчеством, подобно соотношению химии и алхимии, хотя последняя может выдвинуть интересные гипотезы и предложить любопытные результаты. В.В. Согрин оговаривается, что академическая историографическая субкультура располагает наибольшими шансами “приближения к исторической истине”, но едва ли справедливо само по себе рассмотрение научного знания в одном ряду с народным мифотворчеством и близким ему по способу формирования исторического сознания властным или политическим императивом.

За введением, насыщенным содержательными идеями, полемичными по своему характеру и потому не всегда бесспорными, следуют очерки, посвященные отдельным проблемам американской истории. Особого внимания заслуживают два из них. И вот почему. Давняя традиция помещает во главу угла событие. Оно всегда рубеж, поскольку порождает перемены, нередко кардинальные. И по этим переменам историки пытаются определить направление движения исторического времени. Это всегда благодарная нива для исследователя. В XX в. историки, однако, проявили особый интерес к процессам, которые не связаны очевидным образом с событиями, но смысл которых заключается также в значительных и даже кардинальных изменениях в жизни

наций или всего человечества. Такие периоды истории по почину школы “Анналов” стали называться “longue durée”. Вычленение таких периодов – дело не легкое, особенно, если они не маркируются какими-то эпохальными событиями, тем более что по времени их в полном смысле длительными часто и назвать невозможно. В.В. Согрин блестяще демонстрирует, как это можно делать. В этом смысле выделяются два раздела – “Джексоновская демократия” и “Америка 1920-х: экономика, социум, власть”, посвященные двум периодам американской истории, не очень богатым событиями, однако оказавшим огромное влияние на формирование национального сознания, стереотипов поведения, надолго укоренившихся в американском обществе. Автор убедительно доказывает, что относительно спокойный период так называемой джексоновской демократии имел для утверждения либерально-демократических начал в англо-саксонской Америке не меньшее значение, чем такие выдающиеся события, как Война за независимость и Гражданская война. Не меньшее воздействие на социокультурное развитие американской нации, отмечает автор, оказали “годы просперити”, когда сознание американцев окончательно стало определяться тавтологичной, но поразительно точной максимой такого маловыразительного политика, как президент К. Кулидж: “The chief business of American people is business”. И как бы ни трактовался курс на поощрение индивидуализма Г. Гувера (не важно, “грубого индивидуализма” или “просвещенного индивидуализма”), и какими бы глубокими не казались социальные эксперименты вытаскивавшего из Великой депрессии Америку Ф.Д. Рузвельта, смысл национальной жизни оставался неизменным – “Главным занятием американского народа является бизнес”. В.В. Согрин усиливает смысл этой формулы, подчеркивая: “Всего американского народа”.

Столь же высокой оценки заслуживает глава “Социальная структура США в эпоху постиндустриального общества”, представляющая собой образцовый историко-социологический очерк. В.В. Согрин вскрывает как сильные, так и слабые стороны двух главных научных школ в изучении американского социума, условно именуемых “оптимистами” и “пессимистами”. Отметим внимательный разбор научных трудов таких мэтров современной американской социологической мысли, как Р. Росман и Д. Джилберт, относимых к социально-критической школе. Их пятичленная структура американского общества (также как шестичленная у социологов-функционалистов), однако, не удовлетворяет автора, который полагается на трехчленную разбивку, в равной степени учитывающую как статусные, так и функциональные различия. Опираясь на официальную статистику и новейшие социологические исследования, он приходит к выводу, что за последние десятилетия неравенство между тремя главными социальными группами не только не сократилось, но заметно усилилось, и эта тенденция не меняется. Значительный интерес представляют выкладки, относящиеся к проблемам иммиграции, которые свидетельствуют о том, что в результате резкого увеличения количества иммигрантов из Азии, Африки и особенно Латинской Америки удельный вес американцев с европейскими корнями постоянно уменьшается. В конечном счете, изменения в структуре американского общества носят, как показывает В.В. Согрин, весьма противоречивый характер: наряду с такими явлениями, как улучшение экономического и статусного положения женщин и расово-этнических меньшинств (особенно американцев азиатского происхождения) и рост доходов населения в целом, в США очевидно сохранение крайне неравномерного распределения материальных благ. Близка к этим выкладкам по смыслу и идеям другая глава “Экономическое неравенство в истории США”, весьма богатая статистическим материалом и его анализом. Не могу, однако, не заметить, что едва ли автор прав в одном терминологическом вопросе, когда фактически не делает различий между экономическим и социальным неравенством.

Превосходная историографическая эрудиция автора дает о себе знать в главе “Война США за независимость как социально-политическая революция”. В ней В.В. Согрин, внимательно разбирая основные концепции этого основополагающего события в истории американской нации, доказательно объясняет, почему он считает преувеличением утверждение до сих пор наиболее влиятельной американской про-

грессистско-радикальной школы (ее основные оценки причин и содержания первой американской революции разделяются и многими отечественными историками), что внутренние причины, т.е. “конфликты между различными социальными слоями самих американцев, имели не меньшее значение для вызревания революции, нежели собственно антиколониальные цели”. Он справедливо утверждает, что “революционная ситуация была создана именно общеамериканским антиколониальным движением, а не внутренними социальными конфликтами”. Действительно, американская нация, вернее ее наиболее деятельная часть, формировалась под решающим влиянием торговых интересов, диктовавшихся условиями приморской и меж океанской атлантической торговли. С социальной точки зрения, “бостонское чаепитие” – это прежде всего бунт контрабандистов, суть которого в легализации бесконтрольной торговли, в чем были заинтересованы все американские коммерсанты, а вслед за ними и подавляющее большинство колонистов. Выход из сложившейся ситуации виделся в уравнивании торговых прав англичан и колонистов. Вопрос заключался только в способах достижения этого. Одни, как, например, шотландский иммигрант Джеймс Уилсон, причисленный к кругу отцов – основателей США, полагали, что конфликт может быть разрешен на основе политического решения: вопросы атлантической торговли должны быть изъяты из ведения английского правительства в пользу королевской власти, т.е. закона, гарантирующего защиту интересов американских торговцев. Другие, в частности Томас Джефферсон, рассматривали проблему в более широком ракурсе, считая свободу торговли необходимым и неотъемлемым атрибутом справедливого мироустройства. В любом случае, ключ к решению проблемы находился в Лондоне, но британская самонадеянность не позволила истеблишменту потрудиться отыскать его.

Так случилось, что наша американистика долгое время не могла выйти из плена методологических противоречий при выяснении места Войны за независимость в американской и мировой истории. Попытки прочесть это событие на матрице формационной теории не удавались, и не потому, что сама эта теория не верна (по этому поводу могут быть самые разные суждения), а потому, что она сама является достаточно сложным инструментом познания. Памятны неудачные попытки блестящего знатока американской истории XVIII в. Н.Н. Болховитинова характеризовать американскую революцию как внутрiformационную, что находилось в противоречии не только с пониманием формации как этапа человеческой истории в целом, но и пониманием исторического процесса в контексте концепции “атлантической революции” Ж. Годшо и Р. Палмера, испытавшей несомненное влияние все той же теории формаций. Освобожденный от необходимости использовать еще недавно обязательный, но не всегда гарантирующий достижение научной истины категориально-понятийный аппарат, автор книги в корректной полемике с коллегами убедительно истолковывает содержание процессов, пришедшихся на начальный этап американской истории.

В главе “Образование федерального государства и национальных партий” В.В. Согрин погружает читателя в давние историографические споры, не стихающие в американской историографии между теми, кто прочные контуры государственного устройства на обозримую перспективу усматривает в изначально демократическом его устройстве, и теми, кто подчеркивает его элитарную и даже олигархическую природу. Внимательно проанализировав аргументы и доводы обеих школ, автор показывает, что их различия обуславливаются сложностью различных экономических, социальных и политических процессов эпохи формирования государственных институтов. В связи с этим немалый интерес представляет истолкование такого хорошо известного события, как выступление низов под руководством Даниэля Шейса в Массачусетсе в 1786–1787 гг. В отечественной историографии долгое время господствовала точка зрения, сформулированная еще в середине XX в. крупным американистом А.А. Ефимовым, усматривавшем в этом выступлении стремление народных масс “к дальнейшему углублению революции” и преодолению ее буржуазной ограниченности. В.В. Согрин категорически не согласен с таким мнением и настаивает, что восстание “невозможно рассматривать как свидетельство распространения или даже зарождения в массах ан-

тибуржуазного сознания”. Более того, он считает, что федералисты, исходя из своих корыстных политических интересов, специально нагнетали в обществе страхи в связи с этим выступлением, чтобы напуганные обыватели сплотились вокруг идеи сильной централизованной власти. Живо читаются страницы книги, где противопоставляются равным образом чтимые в американской истории (а заодно можно сказать и нашим автором) федералист А. Гамильтон и республиканец Т. Джефферсон, за которыми стояли наиболее политически активные люди молодого государства. В.В. Согрин показывает эволюцию доктрин и политической практики обеих партий под влиянием внутреннего развития и внешних условий. Так, федералистам пришлось уступать натиску сторонников Джефферсона, стремившихся к демократизации политической системы. Те же были принуждены складывавшимися обстоятельствами отказаться от курса категорического невмешательства в экономическую жизнь и прислушаться к гамильтоновским призывам защиты государством национального предпринимательства. Здесь автор видит важный урок, усвоенный политической элитой США: “конструктивное отношение к наследию побежденной партии”. А это в свою очередь способствовало, приходит он к заключению, возникновению политического рынка и политической конкуренции элитных групп. Единственный упрек, который по этой главе можно сделать автору, что он, детально разобравшись в хитросплетениях концепций американских историков, как-то совсем не удостоил вниманием довольно богатую отечественную литературу по заявленной теме, где и он оставил свой значительный след.

Обстоятельно разбирается В.В. Согрин и с проблемой плантационного рабства в американской истории, полемика по этому вопросу до сих пор не утихает в американской историографии, где она решается по большей части с точки зрения экономической эффективности. Помнится, эта проблема вызывала споры и в советской историографии, где они носили несколько схоластический характер: как трактовать тезис К. Маркса о “формальном” существовании капиталистического хозяйства в колониях, где утвердилось плантационное рабство. Достоинство главы о рабстве заключается в тонком анализе сильных и слабых сторон концепций приверженцев неоклассической школы и их противников. Но не в том, было ли экономически выгодным или невыгодным рабство на Юге США, а в том, какое значение имел этот социально-экономический институт с точки зрения перспектив исторического развития страны.

“Гражданская война и Реконструкция” – классическая тема американской истории, которой посвящена специальная глава в книге. Казалось бы, все факты хорошо известны, и тем не менее споры среди историков не утихают. В.В. Согрин называет несколько дискуссионных вопросов. И первый из них – была ли Гражданская война революцией? Автор убежден, что была, поскольку насильственным образом отменяла вековой институт рабства и превращала американское общество без всяких оговорок в буржуазное. Этот тезис, как показывает автор, разделяется и многими американскими специалистами. Более сложным представляется ему вопрос о факторах этой революции, а мы бы выразились по-старомодному – ее движущих силах. Самая сложная проблема: участие рабов в революции, степень вовлеченности их в общенациональный конфликт. Правы ли те историки, кто настаивает на тезисе, что активное и даже пассивное движение негров-рабов на Юге США явилось важнейшим фактором революции? Здесь автор склоняется к точке зрения тех ученых, которые доказывают, что “ставить сопротивление рабов на первое или же ведущее место среди причин Гражданской войны было бы преувеличением”. Это сопротивление оказывало свое воздействие на развитие событий иным образом: оно стимулировало рост аболиционистского движения, раскалывая таким образом “белую” Америку. Поэтому, считает автор, “ведущее место все же принадлежало конфликту по поводу рабства между самими белыми американцами”. В подтверждение своего вывода В.В. Согрин указывает на резкое обострение спора о судьбе земли, захваченной у Мексики. Не отрицая обоснованность суждений Ф.Дж. Тернера и его последователей о чисто аграрном характере противостояния Севера и Юга, В.В. Согрин, однако, критикует такие суждения, как

односторонние, упускающие из виду, что в 1850-х годах уже не земельный вопрос, а проблема рабства оказалась в центре общественных дискуссий.

Глава «Крупный бизнес США от “Позолоченного века” до “Прогрессивной Эры”. 1870–1910-е годы» наглядное свидетельство того, как плотно, в единое целое умеет связывать В.В. Согрин экономические процессы, социальную динамику и политические изменения. Не отрываясь от историографической канвы, он показывает, как возникновение и развитие монополистического капитала – процесс абсолютно объективный, вызывает трансформацию социальной структуры и провоцирует поиски новых политических решений. Возникновение “прогрессизма” объясняется как закономерное явление, вызванное резким усилением капиталистических корпораций, начинавших угрожать демократическим институтам и разбалансировавших социальную жизнь. Автор подводит читателя к выводу, что и республиканцы, и демократы были обречены вступить в “прогрессивную эру”. Он подчеркивает сходство буржуазно-либеральной по сути политики Т. Рузвельта и В. Вильсона (даже предлагает условно математизировать это сходство – 90%) в полемике с теми историками, которые делают акцент на различиях в деятельности этих президентов (автор, видимо, отдает 10% в пользу разногласий по поводу использования антимонопольного закона Шермана). Думаю, что В.В. Согрин прав в своей калькуляции и, возможно, она могла быть более смелой. Если учесть различие (опять-таки в арифметическом выражении) между реализованным администрацией В. Вильсона 50%-ным ограничителем возможностей корпораций производства и сбыта определенного вида товарной продукции и отвергнутым проектом представителя левого крыла его же партии Л. Брандейса³, который устанавливал Рах Америгана предел для монополий в 10%, то можно еще более сократить действительный зазор в отношении прогрессистов-республиканцев и прогрессистов-демократов в их политике в отношении монополий.

Вносит существенный вклад в историографическое осмысление такой мощно разработанной американскими и отечественными историками и тем не менее неисчерпаемой проблематики, как “Новый курс” Ф.Д. Рузвельта.

Две последние главы стоят особняком из-за актуальности их содержания. В главе “Прошлое, настоящее и будущее американской демократии” он выступает в качестве своего рода рефери между теми, кого называет “оптимистами” (власть в США принадлежит всем или, по крайней мере, большинству граждан) и “пессимистами” (т.е. меньшинству). Рассматривая различные варианты демократии – плюралистическую, процедурную, представительную, либеральную, мажоритарную и т.д., – В.В. Согрин приходит к выводу, что “для полнокровной оценки системы США важна ее историческая ретроспектива”, и совершает поучительный экскурс в прошлое Америки, демонстрируя, как видоизменялась американская демократия и вместе с ней представление о ней. Особенно интересными видятся страницы, на которых автор показывает, как нужно разбираться в такой сложной антиномии, как демократия – империя. И здесь он особый акцент делает на внешнеполитической стороне американской демократии, утверждая, что этот ее аспект носит в настоящее время судьбоносное значение и для демократии в целом⁴.

Глава “Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США” представляет особый интерес для тех, кого волнуют теоретические и методологические проблемы исторической науки. Наиболее ценным представляется в ней анализ досто-

³ Подробнее о нем см.: *Согрин В.В. Истоки современной буржуазной идеологии*. М., 1975.

⁴ О том, как сложно выглядит эта проблема, видно, например, после ознакомления со взглядами такого известного американского политика, как З. Бжезинский. С одной стороны, его справедливо считают чуть ли не главным инженером имперской системы, называемой часто Рах Америгана, с другой – он полагает, что особое внимание для сохранения и укрепления демократии надо уделить разрешению таких глобальных проблем, как бедность и социальная несправедливость.

инств и недостатков цивилизационного подхода в исторических исследованиях, различий в толковании самого понятия “цивилизация”.

В завершающем разделе монографии В.В. Согрин отдает должное процессу взаимного постижения американской и российской истории, еще раз призывая коллег строить свои концепции, неуклонно придерживаясь принципа историзма.

Подведем некоторые итоги. Объективность исследования прямо связана с независимостью самого исследователя. В.В. Согрин чрезвычайно дорожит своим исследовательским суверенитетом. Он с готовностью привлекает огромную массу фактов и суждений из книг других историков, но при этом всегда устанавливает хорошо различимую демаркационную линию между тем, что ему представляется интересным в подходах и оценках коллег, и собственными заключениями.

В новой книге В.В. Согрин раскрывает все стороны своего профессионального мастерства: он равно убедителен и в исследовании гражданской истории, и в анализе экономических процессов, и в истолковании социальных явлений, и в распутывании тонких нитей общественной и политической мысли, и в выявлении сложных тенденций давней и новейшей историографии.

Работа В.В. Согрина поражает историографичной осведомленностью автора. Иной раз даже создается впечатление, что для автора важнее не само событие или историческое явление, а толки о них. Но это, конечно не порок, а особенность творчества историка, который так хорошо знает саму историю, что ему много интереснее рассуждать о вещах более сложных, чувствовать себя собеседником самых значительных историков, как классиков, так и современников.

Эту книгу интересно и полезно прочесть всем, кто серьезно относится к истории как прошлому и к истории как науке. Свежий и аргументированный взгляд на многие проблемы истории США и теоретические проблемы исторической науки, мысли об ответственности историка перед обществом – все это не может оставить равнодушным читателя. И даже если некоторые суждения автора и покажутся спорными, они все равно дают хорошую пищу для размышлений. И это движение мысли – главное в науке.